

ЧИТАЯ КНИГИ

Т. Н. ИВАНОВА, Г. П. МЯГКОВ

«УВАЖАЯ ГЕРЬЕ»

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИГЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ УЧЕНОМУ, И НЕ ТОЛЬКО...

«Уважаю Герье» – эти слова В. В. Розанова из его книги «Опавшие листья. Короб первый» предваряют в качестве эпиграфа новую монографию А. В. Малинова и С. Н. Погодина «Владимир Иванович Герье»¹.

Наблюдающийся в последние годы в историографии повышенный интерес к Герье фактически реализует предвидение Розанова, который в 1916 г. писал Владимиру Ивановичу: «...я думаю, что, не найдя оценку у “детей” (российские “отцы и дети”), Вы ее найдете у внуков»². Действительно, поколение «детей», среди которых были и ученики Герье, не оценило его наследия, которое в духе марксистско-ленинской идеологии трактовалось как «идеалистическое» и «реакционное»³.

За долгие годы Советской власти В. И. Герье и его творчество так и не удостоились чести стать предметом монографического исследования. Но за последнее десятилетие свет увидели уже четыре монографии и два сборника статей, посвященных жизни и деятельности Герье⁴, а также десятки статей в других изданиях. Ни одна работа Герье не была переиздана в советские годы, но, начиная с 1997 г., на полках библиотек появились новые издания 9-ти его работ, в том числе солидные монографии об Августине Блаженном, Лейбнице, Франциске Ассизском⁵. Нельзя объяснить этот всплеск внимания к Герье только необходимостью заполнения образовавшейся в историографии лакуны. Ведь и в предыдущие годы имя Герье упоминалось в любом историографическом очерке о русской историографии конца XIX – начала XX в. Однако все еще сохраняется насущная потребность слома сложившихся стереотипов, опиравшихся не на анализ исторических концепций Герье, а на критику его политических взглядов как члена октябристской партии.

¹ См.: Малинов, Погодин. 2010.

² Розанов. 2009. С. 144.

³ См.: Мягков. 2008. С. 21-62.

⁴ См.: Кирсанова. 2003; Цыганков. 2008; Иванова. 2009; Малинов, Погодин. 2010; Мир историка: Владимир Иванович Герье...; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье...

⁵ См.: Герье. 1) 2002; 2) 2003; 3) 2008; 4) 2010.

Другой причиной пробуждения интереса к Герье и его наследию является знакомость его места в развитии русской историографии всеобщей истории. Между вдохновляющими и скорее программными, чем конкретно-историческими работами Т. Н. Грановского и появлением оригинальных, основанных на архивных источниках, профессиональных исследований Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, И. В. Лучицкого, М. С. Корелина, П. Н. Ардашева и др., стоит многолетняя, неутомимая преподавательская деятельность профессора Герье. Без верной оценки и понимания особой и уникальной роли этого ученого мы никогда не получим полной картины развития русской исторической науки.

Не менее важной причиной переосмысления в современной историографии наследия Герье является та смена парадигм, которую переживает сейчас отечественная наука. Внимание к истории идей, нравственный императив как необходимое условие деятельности историка, осуждение революционного насилия и вульгарного материализма – эти принципы научного наследия Герье, столь яростно критикуемые в середине прошлого века, сейчас созвучны современным проблемам исторической науки, а многие высказывания ученого выглядят как удивительное предвидение последующих событий XX века.

В этих условиях появление новой монографии о В. И. Герье, цель которой, по определению авторов, «более полно представить его научное наследие» (с. 11), можно только приветствовать. Действительно, книга Малинова и Погодина стала не столько открытием чего-то принципиально нового в жизни и творчестве Герье, сколько обобщением ранее опубликованного, что представляется нам также необходимым: учитывая то, что научному анализу была подвергнута меньшая часть его печатного наследия, еще не выявлены все архивные источники о нем, необходимо осмысление той волны публикаций о Герье, которые появились в последние годы. Однако читателя ожидает некоторое разочарование от качества «полноты» представленного в книге материала. В библиографии работ Герье не хватает более десяти наименований. Среди десятков архивных фондов НИОР РГБ, ЦИАМа, АРАНа, ГАРФа, РГАЛИ, РГАДА, РГИА, в которых содержатся материалы самого ученого и о нем, упомянут только Ф. 70 НИОР РГБ; крайне неполон перечень литографированных курсов Герье (см. с. 375–386).

Досадно, что историографическое пространство России остается для некоторых исследователей сегментированным, и ученые из Петербурга, выпускающие свою монографию в 2010 г., ничего не знают не только о статьях, вышедших после 2008 г., но даже о двух монографиях,

посвященных Герье⁶. Трудно в этой связи согласиться с мнением авторов о том, что «историография о Герье не богата» (с. 7) и «изучение творчества Герье находится только на начальном этапе» (с. 11)⁷.

Не меньше вопросов вызывает и структура рецензируемой книги. На наш взгляд, наиболее точным названием для нее было бы не претенциозное «Владимир Иванович Герье», а «Очерки о жизни и научном наследии Герье». Монография структурно и содержательно делится на две части, каждая из которых, в свою очередь, распадается на ряд не всегда связанных друг с другом очерков (авторы, очевидно, считают их главами, поскольку есть «Оглавление»). Сравнивая статьи о Герье, ранее опубликованные авторами, можно предположить, что первая часть монографии (с. 5–180) принадлежит перу С. Н. Погодина, а раздел «Философия истории» (с. 180–338) – А. В. Малинову. Параллельное освещение отдельных сюжетов в обеих частях книги выявляет недостаточную согласованность общей концепции книги и отсутствие общего редактирования. Однако, не оговорив в книге авторство отдельных частей, Малинов и Погодин подразумевают свое коллективное авторство, поэтому обращаться мы будем к авторам во множественном числе.

Первый очерк («Биография») страдает схематичностью и рядом фактических неточностей⁸. Так, Герье не работал в университете перед защитой магистерской диссертации (с. 20). Неверно трактуют авторы и то, что Герье был забаллотирован советом университета из-за консервативных взглядов историка (с. 29). Мы имели возможность доказать это на анализе мемуарных и эпистолярных источников⁹. Некоторую досаду

⁶ См.: *Цыганков. 2008, Иванова. 2009.*

⁷ Есть основание утверждать, что авторы невнимательны в критике. Укажем на тот факт, что тезис «изучение творчества В. И. Герье переживает только начальный этап», сформулированный Погодиным в статье «Герье в исторической литературе» (*Погодин. 2005. С. 249*), был поставлен под сомнение одним из авторов рецензии и, полагаем, было доказано складывание, пусть противоречивой, развивавшейся с трудом и перерывами традиции в изучении творчества Герье в России/СССР. (*Мягков. 2008. С. 57* и сл. См. также: *Цыганков. 2008. С. 14–25; Иванова. 2009. С. 5–29*).

⁸ Например, опираясь на статью Т. Н. Ивановой «Частная жизнь профессора В. И. Герье» (см.: *История идей и воспитание историей. 2008. С. 64–83*) авторы без ссылок на эту статью утверждают, что у Владимира было два брата – Иван и Александр. Если бы эти сведения авторы проверили по архивным фондам, то могли бы обнаружить, что родной брат у Герье был один – Иван, глухонемой от рождения (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 82. Ед. хр. 18–19), а Александр – более дальний родственник, скорее всего троюродный брат. Именно это было выявлено Т. Н. Ивановой в ходе архивных изысканий и отражено в монографии: *Иванова. 2009.*

⁹ См. подробнее: *Иванова. 2009. С. 98–103.*

вызывает несогласованность приводимых в тексте *цитат* и *ссылок* на страницах 18 (ссылка 1), 19 (ссылка 2), 41 (ссылка 2). Крайней неполнотой страдает и следующий раздел монографии «Учитель и ученики». Здесь логично было бы увидеть анализ дискуссионного вопроса о школе Герье. Однако раздел состоит из пересказа высказываний о лекциях профессора и рассказа лишь о двух его учениках – Н. И. Карееве и П. Г. Виноградове. Отсутствие каких-либо выводов и обобщений лишает данный раздел историографической ценности.

Столь же поверхностен очерк «Основоположник женского образования в России», не показаны конкретные усилия Герье по открытию курсов, подбору кадров, поиски финансирования, его новаторство в организации семинарских занятий на курсах. В очерке «Общественная деятельность» не упомянуты законодательные инициативы Герье в деле развития общественной благотворительности в России, его работа в правительственной комиссии по преобразованию общественного призрения под председательством К. К. Грота, его общественная деятельность по организации помощи безработным и развитию системы детского призрения и образования в Московском губернском земстве.

Политические взгляды Герье освещаются авторами на основе публицистических работ, созданных историком в годы Первой русской революции, что не позволяет увидеть постепенную эволюцию умеренного либерализма Герье в сторону охранительных позиций.

Наиболее важный с точки зрения историографии раздел «Исторические работы» оказывается лишь обобщением работ других исследователей творчества Герье. Авторами не предпринята попытка воссоздать общую историческую концепцию Герье. В параграфе «Новая история» кратко пересказаны основные идеи магистерской и докторской диссертаций ученого («Борьба за польский престол в 1733 году» и «Лейбниц и его век»). В разделе «История Древнего Рима» авторы в целом соглашаются с анализом антиковедческого наследия ученого, проведенного В. С. Шиловцевой и А. В. Юдиным¹⁰, пересказывая их выводы.

Следующий раздел «История Франции» вызвал у одного из авторов данной рецензии острое чувство «дежавю», ибо добрая половина этого раздела является немного сокращенным, но последовательным пересказом кандидатской диссертации Т. Н. Ивановой¹¹. Чтобы не быть голословными, приведем несколько параллельных цитат.

¹⁰ См.: Шиловцева. 1970; Юдин. 2008. С. 271–279.

¹¹ См.: Иванова. 1984.

<i>Диссертация Т. Н. Ивановой</i>	<i>Рецензируемая монография</i>
<p>С. 105–106: В. И. Герье считает, что французская революция закономерно вытекала из всей предыдущей истории Франции, необходимость и закономерность ее была очевидна: ...«Все главные основы политической жизни Франции обветшали, и мы нигде не видим ни возможности, ни достаточной силы для реформ», – пишет Герье, – преградой «для новых потребностей жизни стала во Франции и сильная монархическая власть с крепкой централизацией» (Лекции..., ч. I, 4). Задачи революции В. И. Герье видит в политическом преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнении сословий, в участии народных представителей в управлении.</p>	<p>С. 148: Герье считал, что революция закономерно вытекала из всей предыдущей истории Франции, необходимость ее была очевидна. «Все главные основы политической жизни Франции, – констатировал он, обветшали, и мы нигде не видим ни возможности, ни достаточной силы для реформ». По его словам, преградой «для новых потребностей жизни стала во Франции и сильная монархическая власть с крепкой централизацией». (Герье В. И. Лекции по Новой истории. 1868–69 г. Ч. I. С. 4). Задачи революции он видел в политическом преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнении сословий, в участии народных представителей в управлении.</p>

Самое удивительное, что авторы, не ссылаясь на Т. Н. Иванову, «по-слушно» списывают ссылки из текста диссертации на литографированный лекционный курс Герье: «Лекции по Новой истории. 1868–69 г. **Ч. I. С. 4**» и далее «Там же. **Ч. II. С. 30**». (с. 148). Однако в означенном издании «Лекций по Новой истории» нет ни «Ч. I», ни «Ч. II». В литографии подшиты два раздела, никак не выделенные и имеющие каждый собственную периодизацию. Для удобства цитирования Т. Н. Иванова самостоятельно ввела наименование частей (I ч. – с. 1–64; II ч. – с. 1–50), оговорив это в диссертации на стр. 105. Не обратив на это внимания, авторы используют наименование частей, которых нет в источнике!

Дабы не утомлять читателя чтением параллельного текста еще на восьми страницах, приведем две цитаты, завершающие тексты-близнецы.

<i>Диссертация Т. Н. Ивановой</i>	<i>Рецензируемая монография</i>
<p>С. 121: Значение идей Мабли русский ученый видел в том, «что именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах доньше сохранился в учреждениях Франции» (Вестник Европы, 1887, № 1, с. 125). Создание Генеральных штатов, на котором настаивал Мабли, и смена абсолютной монархии во Франции конституционной вполне отвечали представлениям самого Герье.</p>	<p>С. 157: Значение французского мыслителя Герье видел в том, «что именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах доньше сохранился в учреждениях Франции» (Герье В. И. Политические теории аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 125.) Созыв представительного органа власти, ликвидация абсолютной монархии, на которых настаивал Мабли, были важным элементом революции, полагал русский историк.</p>

Для дотошного читателя, желающего лично убедиться в аутентичности текстов, дадим соответствие страниц, где есть абзацы-двойники (которые, кстати, имеются не только в анализируемом разделе). Диссертация Т. Н. Ивановой оцифрована и доступна в Интернете.

Диссертация Т.Н.Ивановой	с. 53	с. 144	с. 145	с. 170	с. 172	с. 175	с. 32	с. 45	с. 46
Рецензируемая монография	с. 38	с. 63	с. 65	с. 92–93	с. 94	с. 96–97	с. 137	с. 138	с. 139
Диссертация Т.Н.Ивановой	с. 105	с. 107–108	с. 198–110	с. 110–111	с. 112	с. 113	с. 117–118	с. 120–122	с. 143
Рецензируемая монография	с. 148	с. 149	с. 150	с. 151	с. 152	с. 152	с. 155	с. 157	с. 172

Мы совсем не возражаем против популяризации тех научных выводов, к которым пришла Т. Н. Иванова еще в 1984 г., но хотелось бы, чтобы на соответствующих страницах присутствовали ссылки на истинного автора. Подобные таблицы соответствия параллельных текстов могли бы представить Е. С. Кирсанова, А. В. Юдин и др.

Однако вернемся к анализу монографии. Содержание раздела «История раннего христианства» явно не соответствует своему названию, ибо включает в себя анализ не только взглядов Герье на Августина Блаженного, но и его оценки Франциска Ассизского и Иннокентия III. Авторы допускают досадную фактическую ошибку, утверждая, что из-за отрицательной рецензии Н. Н. Глубоковского на книгу «Блаженный Августин» Герье не получил премии имени М. Н. Ахматовой (с. 166). Возникает ощущение, что авторы просто не дочитали до конца пространную и, действительно, резкую рецензию Глубоковского, ибо, несмотря на все высказанные замечания, он закончил рецензию мыслью о необходимости оказать «ученый почет научно-педагогическому подвижничеству [Герье], столь самоотверженно и плодотворно служившему на пользу духовного развития всем напряжением своих чувства и дарований»¹².

Некоторое недоумение вызывает раздел под названием «Лекционные курсы». Во-первых, анализ лекционного наследия Герье уже был

¹² Глубоковский. 1915. С. 64. На это упущение уже было указано, когда один из рецензентов писал: «На основании отзыва Н. Н. Глубоковского Герье была присуждена большая Ахматовская премия (1000 руб.), а автору рецензии – золотая рецензентская медаль (см.: Богданова. 2004. С. 160). С. Н. Погодин полагает, что поскольку “рецензент нашел в работе очень много погрешностей и неточностей”, то “в итоге В. И. Герье премии не получил” (Погодин. В. И. Герье в исторической литературе... С. 292)» (См.: Мяжков. 2008. С. 40, прим. 80).

отчасти дан в разделе «Учитель и ученики», во-вторых, структурно этот раздел разрушает логику повествования, ибо содержит частично анализ исторических взглядов Герье, частично его педагогических воззрений. Обширные, как всегда, скрытые цитаты из статьи Н. Г. Федоровой¹³ также вызывают определённые вопросы.

Со стр. 180 монографии начинается, по сути, вторая часть работы под названием «Философия истории». Структурно этот раздел представляет собой несколько самостоятельных очерков об историко-философских взглядах Герье: «Историография и философия истории», «Западничество как всемирно исторический процесс», «История как наука», «Идеализм в истории», «Исследование о Г. В. Лейбнице». Здесь изложение материала меняет свой характер. От повествовательного пересказа основных работ Герье происходит переход к комплексному анализу его научного наследия.

Мы считаем абсолютно верным, что в данном анализе синтезированы положения не только опубликованных работ Герье, но и его лекционных курсов. На наш взгляд, научная деятельность ученого была неразрывно связана с его преподавательской деятельностью. Только анализируя весь комплекс печатного и лекционного наследия ученого, можно воссоздать с большей или меньшей полнотой его взгляды по всем значимым проблемам философии истории и реконструировать его концепцию всеобщей истории. Здесь авторы уделяют особое внимание теоретико-методологическим основам исторических работ Герье.

Можно согласиться с авторами, что крайне сложно реконструировать концептуальные положения Герье, «который предпочитает высказывать свое мнение, излагая чужую точку зрения». Недаром в письме к М. М. Стасюлевичу Герье подчеркивал: «Я потому должен был подробнее говорить о взглядах других, чтобы выяснить свой собственный» (с. 180). «Философия истории Герье эксплицируется, как правило, лишь при разборе им чужих концепций, – пишут авторы. – Историография служит ученому поводом для теоретико-методологического самоопределения» (с. 213). Действительно, в серии историографических очерков Герье, опубликованных им в 1880–1883 гг. (и не проанализированных авторами монографии), необходим тщательный текстологический анализ текста, чтобы вычлнить собственную позицию ученого и отделить её от взглядов авторов анализируемых им произведений. Однако, на наш взгляд, теоретико-методологические взгляды Герье четче высказывал в знаменитых философских введениях к своим лекционным курсам.

¹³ См.: Федорова. 2008. С. 195–212.

Несмотря на специфику такого вида источников как литографированные курсы, их более широкое привлечение позволило бы снять некоторые противоречия, возникающие при анализе его печатных работ. К сожалению, каждый из очерков этой части книги вполне самостоятелен и не коррелирует с другими. Поэтому, чтобы создать полную картину концепции Герье читатель должен самостоятельно сопоставить выводы пяти очерков об историко-философских взглядах ученого. Из этого сопоставления выявляются две предлагаемые авторами версии концептуальных основ всеобщей истории в наследии Герье.

Первая, сконструированная авторами «собственная версия всемирно-исторического процесса» Герье (с. 194) состоит в следующем: «Источником всемирно-исторического развития являются противоречия или, в терминологии Герье, “антагонизмы”. Это вековые противоречия, принимающие в зависимости от эпохи разные формы, но сохраняющие один и тот же смысл» (с. 194). К принципиальным противоречиям, регулярно повторяющимся в истории, авторы относят «универсальный антагонизм» – «борьбу Европы с Азией или Запада и Востока» (с. 195). Действительно, в ряде работ Герье упоминает об этом антагонизме. «Частными, так сказать внутренними, противоречиями в каждую конкретную эпоху» в концепции Герье авторы полагают «социальный дуализм патрициев и плебеев, римлян и италиков, Рима и провинции» (с. 197), а также антагонизм христианства и античной культуры, средневековый антагонизм «между аскетическим направлением и становлением христианской церкви как социального института» (с. 197), «борьбу англичан с бурами в Южной Африке» (с. 198), «дуализм римской и греческой культуры, западной и восточной церкви» (с. 199).

Данная версия теоретических основ концепции всемирной истории Герье имеет право на существование, но носит характер искусственного конструирования. Несмотря на любовь Герье к терминам «антагонизм», «антиномия», «дуализм», ученый основную движущую силу развития человечества видел в смене господствующего мировоззрения, о чем неоднократно заявлял в своих лекционных курсах. Осознавая всеобщую историю как процесс, основанный на духовной связи и культурной преемственности поколений и народов, Герье видел эту преемственность в зарождении определенных идей, которым подчинялись все события данной эпохи. Эти идеи, которые логичнее было бы назвать идеологиями, могут быть религиозными, политическими, научными, этическими и т.д. Они не довлеют над фактами, а организуют их, придавая случайным событиям системность и целостность. В любом «сколько-нибудь крупном факте» видно отражение руководящих идей, и даже случайные

факты понемногу втягиваются в круг вопросов доминирующей в это время идеи¹⁴. Эти идеи «могут способствовать развитию цивилизации и задерживать ее»¹⁵. Такими определяющими всемирное развитие идеями Герье считал религию в древневосточный период, идею политической свободы – в древнегреческий, идею империи – в древнеримский, христианство – в средневековый, реформацию – в XV–XVII вв., рационализм и просвещение – в XVIII веке и т.д.¹⁶

Авторы книги сами вычлениют подобную версию концептуальных построений Герье (с. 286–290). Наверное, следует совместить подмеченную ими «теорию антагонизмов» с идеалистической трактовкой исторического процесса, которая четко выделяется во всех работах Герье, и им самим декларировалась как основополагающая.

В целом можно констатировать, что произошедший к концу рецензируемой книги переход от повествовательности к комплексному анализу позволял авторам определить теоретические основы исторического мировоззрения Герье, его взгляд на позитивизм, роль личности в истории, движущие силы исторического процесса. Однако некоторое недоумение вызывает порядок очерков из второй *части* книги. В *последнем* очерке «Исследования о Г. В. Лейбнице» анализируется одна из *первых* книг Герье, за которую он получил докторскую степень. Такое нелогичное завершение приводит к тому, что читатель теряет ориентиры в попытке увидеть эволюцию идей ученого, ибо после книги о Лейбнице прошло еще 48 лет до появления последней книги Герье. Таким образом, в силу специфики изложения материала в виде очерков, целостного восприятия теоретико-методологических взглядов ученого не произошло.

Несомненным достоинством книги являются приложения, где впервые опубликованы черновые наброски неизвестной работы Герье «Статья о детях неимущих классов в гор. Москве» (с. 345–349) и письма Герье к А. Ф. Кони, М. К. Лемке, М. М. Стасюлевичу, К. Д. Кавелину (с. 349–375). Приходится сожалеть, что данные публикации не сопровождаются научными комментариями и примечаниями. Не проведена необходимая в таких случаях работа по уточнению условий написания писем, сущности поднимаемых в них проблем. Часть писем опубликована без уточнения их датировки (с. 369–371). Таким образом, авторы предоставили герьеведам фактически сырой материал, который еще требует научной обработки.

¹⁴ Герье. 1887. С. 34.

¹⁵ Герье. 1865. С. 106.

¹⁶ См.: Герье. 1) 1899. С. 3; 2) 1877. № 7. С. 8; 3) 1886. С. 3–4; 4) 1881. С. 83, 104; 5) 1887. С. 3–5.

Структурно книга завершается разделом с некорректным названием «Библиография, посвященная В. И. Герье». Он включает отделы: «Архивные материалы, в которых хранятся документы о В. И. Герье» (формулировка авторов), «Работы В. И. Герье», «Литографические издания произведений В. И. Герье» (точнее, лекционных курсов), «Рецензии на работы В. И. Герье» и «Работы, посвященные В. И. Герье». О неполноте ряда отделов мы упомянули выше. Но есть здесь и проблема этическая: кто же составители библиографии? По крайней мере, обратим внимание на то, что раздел «Литографические издания произведений В. И. Герье» в своей основе перекочевал из диссертации Т. Н. Ивановой вместе с опечатками¹⁷. Разделы «Рецензии на работы В. И. Герье» и «Работы, посвященные В. И. Герье» составлен в большинстве на основании подстрочных примечаний статьи Г. П. Мягкова «Кто вы, профессор В. И. Герье?...»¹⁸, в которой автор исследовал поток отечественной литературы о Герье за период 1862–2007 гг., вводя в современный научный оборот материалы о судьбе трудов ученого, многие рецензии на его тру-

¹⁷ Так, в диссертации Т. Н. Ивановой (Иванова. 1984) обозначено, что «Лекции новой истории. 1868–69 уч. год» были изданы в литографии А. Кольцова. Если бы авторы работали с первоисточником, то обнаружили, что лекции были литографированы И. Волковым, а Александр Кельцов был издателем. Названия многих литографий в книге даны точно в тех же формулировках, немного отличающихся от оригинала, как и в диссертации Т. Н. Ивановой. Справедливости ради заметим, что список литографий в книге в сравнении с диссертацией увеличился на 8 единиц, составив 27 наименований. Но Т. Н. Ивановой на настоящий момент выявлены уже 63 литографии лекционных курсов Герье.

¹⁸ Обсуждая вопрос о том, какие же рецензии были выявлены Малиновым и Погодиным, авторы данного текста обнаружили, что у них произошло увеличение числа рецензий за счет... «удвоения»: к извлеченным из статьи Г. П. Мягкова рецензиям было добавлено 9 рецензий, заимствованных из библиографии диссертации Т. Н. Ивановой, но описанных без указания фамилий авторов. Это выглядит, например, так: (1) *Арсеньев К. К.* Герье. Понятие о власти и о народе в наказе 1789 г. Москва. 1884 // Вестник Европы. 1884. № 3. С. 406–409. Ниже, по алфавиту, находим: (14) Рецензия на книгу В. И. Герье «Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г.» // Вестник Европы. 1884. № 3. С. 406–408. Или: (6) *Воронов Е. М.* В. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля. Москва, 1915. Стр. 267 // Исторический вестник. 1915. № 11. С. 655–656. Ниже читаем: (20) Рецензия на книгу В. И. Герье «Философия истории от Августина до Гегеля» // Исторический вестник. 1915. Ноябрь. С. 655–656 и т.д. Ошибки при описании рецензий приводят к тому, что читатель вряд ли найдет и названную рецензию Е. М. Воронова, и рецензию П. В. Безобразова, ибо первая опубликована под псевдонимом *Евг. В.*, а вторая – под псевдонимом *П. Б.*; вопрос у читателя вызовет и авторство *Б. А.* рецензии на книгу Герье «Расцвет западной теократии» (М., 1916), ибо она опубликована «Русских записках» в 1916 г. без указания автора, что нами и было в соответствии с правилами библиографирования означено [*Б. а.*]. (см.: с. 384–386).

ды, материалы энциклопедических изданий, празднований юбилеев и т.д. В библиографию была добавлена только роспись статей из сборников, вышедших в 2007–2008 гг. Главное все же состоит в том, что библиография в книге не «работает»: напрасно читатель на протяжении более чем трехсот страниц текста будет искать материалы о научных спорах, идеологических и политических баталиях, которые в изобилии разворачивались с участием Герье или вокруг его трудов.

Уважая память Герье, авторам монографии необходимо было провести редакторскую обработку текста, чтобы избежать «очерковости» изложения, нелогичности отдельных разделов монографии, скрытого цитирования текстов других ученых, фактических ошибок и погрешностей в оформлении ссылочного аппарата. Заключая заметки о монографии А. В. Малинова и С. Н. Погодина, можно сказать, что появление еще одной книги о Герье само по себе явление отрадное, как факт, вновь привлекающий внимание к его наследию.

Но подытоживать разговор о книге все же рано, ибо в ней отразилось явление весьма симптоматичное. Наличие «заимствований», выстраивание текста посредством соединения фрагментов из исследований предшественников, обнаруживаемое в рецензируемой книге, – явление уже не редкое. Особенно опасно то, что этот метод все чаще берется на вооружение вступающими на стезю науки. Провоцирует это и современный технический прогресс, Интернет с его необъятными ресурсами. Но особо – примеры и практики, получающие оформление в публикациях. Вина в таком развитии науки лежит и на научном сообществе, не реагирующем должным образом на нечистоплотность, чем и открывается путь к утверждению описываемых практик.

К сожалению, переживает глубокий кризис жанр рецензий. Во многом, это наследие пережитой советской историографией трагической эпохи, когда она, начиная с 1930-х гг., по определению Т. М. Атнашева-Мирзаянца, «находилась под прямым внешним контролем партии и под внутренним прессом самоцензуры и самоконтроля»¹⁹. В этих условиях одной из функций историографии – рецензии являются одним из ее «жанров» – было «разоблачение» «контрреволюционеров» и «информирование» тех, кому должно было услышать, об идеологической и политической неблагонадежности «конкурентов». Можно и должно вполне понять авторов рецензий, которых к годам 1950-м уже «научились» ограничиваться в своей критике коллег (речь не идет о «буржуазных» авторах, в обличении и разгроме текстов которых буквально шло соревно-

¹⁹ Атнашев-Мирзаянц, 2006. С. 21.

вание) такими формулировками, как «...имеются отдельные промахи в предисловии и примечаниях», «...ряд проблем, поставленных в книге, нуждается в дальнейшей разработке...», «...к сожалению, последняя (одна из рассматриваемых проблем – Г. М., Т. И.) освещена довольно бедно...», «Решение некоторых из рассмотренных автором проблем, видимо, можно было бы углубить и дополнительно аргументировать»²⁰ и т.д. и т.п. Не способствовали развитию жанра и политика журналов жестко ограничивать объемы рецензий, и заказной их характер.

Разумеется, сегодня сложились иные условия: журналы готовы предоставлять свои страницы авторам рецензий, выделена группа журналов, которым вменено выполнять особую миссию – публиковать подвергающиеся специальному рецензированию материалы, предоставляемые соискателями степеней кандидатов и докторов наук. Но как показывает опыт, дело возрождения рецензирования и превращения его в действенный фактор развития науки продвигается с трудом. В числе причин следует указать на готовность редакционно-издательских советов, существующих по сей день в каждом вузе, в его подразделениях, дать рекомендации к печати практически любой книге, статье²¹. Не откажет коллеге подписать составленную – весьма частая практика – самим автором рецензию на его книгу или статью и уважаемый профессор... Но вот книга или статья опубликована. Попадет ли она вовремя к тому ученому, кто *смог бы и захотел* дать рецензию? К сожалению, последние два обстоятельства становятся решающими, как и то, что правилом жизни научного сообщества продолжает быть знаменитое крыловское «А Васька слушает, да ест...»: результаты критики рецензируемых книг заметить практически невозможно.

И в случае с рецензируемой книгой есть своя предыстория. Увидевшая свет в издательстве Русской христианской гуманитарной академии, она, фактически, продолжила серию монографий о выдающихся русских историках, создаваемую Малиновым и Погодиным²². Основа-

²⁰ Все тезисы извлечены из рецензий, опубликованных в «Вопросах истории» в 70-е – начале 80-х гг. прошлого века.

²¹ Рецензируемая книга напечатана «по решению редакционно-издательского совета Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета» (Малинов, Погодин. 2010. С. 2).

²² Малинов, Погодин. 2001; Малинов. 1) К. Н. Бестужев-Рюмин...; 2) Павел Гаврилович Виноградов...; Погодин. 2005. Речь идет не только о предложенной серии книг на тему «История в Политехническом университете», у которой был и ответственный редактор (см.: Погодин. 2005. С. 2), но и о фактически сложившейся серии книг, статей, выступлений о жизни и деятельности русских историков.

ния для такого проекта, несомненно, есть – и объективного (где, как не в Петербурге, где в архивохранилищах и библиотеках отложился исключительный по полноте источниковый комплекс, на основании которого можно реализовать указанный замысел!), и субъективного (наличие у авторов опыта историографических исследований) порядка.

Стили и направления научного поиска у авторов весьма разные. Несомненно, творчество А. В. Малинова отличает стремление к концептуальному прочтению трудов изучаемых историков, отсюда склонность к анализу теоретико-исторических и философских взглядов мыслителей прошлого, их методологических концепций. Тексты ученого интересно читать, они, действительно, осуществляют презентацию наследия и идей ученых, чье творчество подвергается анализу. Слабые стороны метода А. В. Малинова, проявившегося в его содержательной монографии о П. Г. Виноградове, были отмечены критикой²³. Естественно, что в написанных им разделах книги о Герье, Малинов не мог изменить своему стилю – насыщать текст пространными цитатами²⁴.

Стиль же С. Н. Погодина не спутаешь. О нем уже шла речь в литературе: звонок прозвучал, когда В. Соловьев опубликовал рецензию на статью Погодина «Павел Гаврилович Виноградов» (НиНИ. 2006. № 2. С. 174–197)²⁵, с «говорящим» названием «Кое-что о так называемых ВАКовских изданиях, или снова о плагиате». Обращалась с письмом к главному редактору журнала «Пушкин» еще полтора года назад и Т. Н. Иванова, когда обнаружила пространные, без ссылок на автора, цитаты из своей диссертации, использованные Погодиным в статье «В. И. Герье в исторической литературе»²⁶.

Подобная практика, «стиль» Погодина стали возможными потому, что научное сообщество не реагировало своевременно на его «опыты». Совсем недавно нам удалось получить изданную в 2005 г. (тиражом 300 экз.) уже называвшуюся книгу «Максим Максимович Ковалевский». И хотя мы пишем рецензию на книгу о Герье, а время презентации книги о Ковалевском в форме рецензии, казалось, прошло, именно она являет-

²³ См.: Антощенко. 1) 2007; 2) 2010. С. 15–16; Книжные покупки...

²⁴ Один из авторов рецензии также критиковался за подобную практику и знает, как «заманчиво» идти по этому пути. См.: Чапкевич. 1990. С. 209.

²⁵ См.: Соловьев. 2009. № 1. С. 183–187. Доступная для пользователей Интернета, она была достаточно быстро «снята» с сайта журнала.

²⁶ Наш отклик на данную статью не был опубликован, но, возможно, был прочитан С. Н. Погодиным. Следует признать, что в монографии, в сравнении со статьей, произошла некоторая интерпретация текста диссертации, которая, впрочем, свелась к стилистическим изменениям ряда предложений.

ся, на наш взгляд, тем «зеркалом», который отражает слабые стороны современной историографии.

Судя по тексту, автор «открывает» нам имя и наследие Ковалевского, о котором – свидетельствует справочный аппарат книги – разве что упоминали некоторые современники, авторы воспоминаний, статей на смерть ученого, а также П. Б. Струве, Е. А. Косминский, Е. В. Тарле (с. 91), И. Б. Хайлова (с. 45), С. Д. Сказкин (с. 99), В. И. Рутенбург (с. 105)... И еще – в связи с использованием цитат/мыслей из книг «М. М. Ковалевский как социолог» и «М. М. Ковалевский как исследователь горских народов Кавказа» – упоминаются их авторы Б. Г. Сафронов (3 раза: с. 36, 114, 152) и Б. А. Калоев (2 раза: с. 14, 24). Иными словами, С. Н. Погодин совершенно проигнорировал историографию проблемы – весьма богатую, отразившую в своем движении многие черты и повороты духовной, идейно-политической жизни не только России, но и ряда зарубежных стран²⁷. Отсюда – практическое отсутствие проблемности, авторской позиции даже в тех немногих случаях, когда сам материал вынуждает отмечать наличие полемики в исследовании тех или иных проблем. Результат такой методы не утешителен. Достаточно здесь прочитав введение, выполняющее скорее функцию заключения, где сразу «освещена» проблема школы Ковалевского. Априорно, без каких-либо экскурсов в историографию, без исследования проблемы автор заявляет, что «в тех научных направлениях, в которых он (М. М. Ковалевский – Т. И., Г. М.) работал, он создал свои школы, свою логику поиска истины и был весьма признан и уважаем» (с. 3). И если с последним не поспоришь, то нельзя не поставить вопросы: сколько же «школ» было у Ковалевского, и вообще известен ли науке феномен «многошколия» у ученого, сколько «логик» поиска истины в науке? Разъясняя свое понимание места Ковалевского в науке, Погодин пишет: «Несмотря на реальные школы М. М. Ковалевского в истории, в социологии, экономике, можно утверждать, что существовала и его научная школа – школа русской социальной науки, или, как иногда называли, “школа российской интеллигенции”» (с. 3). Ниже читаем, что «...Максим Максимович был одним из создателей новой школы права, школы исследователей нового времени Западной Европы и России» (с. 3). Комментарии, как говорить, излишни.

Такое же «панибратское» отношение к сложнейшему вопросу историографической науки мы видим и в книге о Герье. На первой же ее странице авторы пишут: «Можно полностью согласиться с мнением

²⁷ См.: Золотарев, Мягков. 1995. С. 80–88.

В. П. Бузескула и В. А. Бутенко, считавших Герье основателем русской школы в изучении всеобщей истории» (с. 5). Этот тезис – свидетельство неуважения к предшественникам, непонимания самого историографического процесса. В. А. Бутенко называл Герье «основателем русской школы в области новой истории»²⁸. Поддерживая коллегу и опираясь на собственное изучение проблемы, Бузескул подчеркивает: «В. И. Герье – первый по времени специалист в России по новой истории... Он – родоначальник “русской школы” в этой области»²⁹. И все же предметное изучение творчества Герье, его многочисленных учеников, коллег – историков-«всеобщников» не только Московского, но и других университетов России в координатах сформировавшейся научной «сети» позволило выдвинуть положение о складывании в российской науке «русской исторической школы» всеобщих историков, особую роль в создании и функционировании которой играл В. И. Герье³⁰.

К сожалению, книга Погодина реального материала для ведения научных дискуссий не дает. Во-первых, потому, что автор уже выступал с работами, посвященными творчеству Ковалевского, и в известном смысле они повторяются, входят целыми фрагментами в книгу. Новизну могла дать новая структура работы: именно в работе о Ковалевском апробируется «очерковая» структура презентации творчества историков по дисциплинарным сегментам их творчества. В случае с Ковалевским – это исследования в области государства и права (2-й очерк; его предваряет 1-й, «Краткий биографический очерк жизни и деятельности», что дает основание называть главы очерками), исторические работы (3-й очерк), работы в области истории политической мысли (4-й очерк), экономические взгляды (5-й очерк), исследования в социологии (6-й очерк).

Замысел имеет право на жизнь: ясно, что социологи писали о Ковалевском как родоначальнике их науки, правоведы изучали его взгляды на государство и право, этнографы – вклад в свою науку и т.д., дело за тем, чтобы воссоздать целостный облик ученого. С. Н. Погодин понимает сложность и многотрудность задуманного, а потому спешит оговорить: «Автор данной работы не ставит перед собой задачу полного освещения научного наследия М. М. Ковалевского, это задача коллектива авторов» (с. 4). Сразу скажем: опыт не удался. Автор представил на суд читателя книгу, в которой ему, повторим, принадлежит то, что он

²⁸ Бутенко. 1923. С. 130, 149.

²⁹ Бузескул. 1929. С. 153.

³⁰ См.: Мяжков. 2000. С. 201, 294–295; Ретина, Зверева, Парамонова. 2004. С. 193–200; Иванова. 2009. С. 232–241.

уже фактически публиковал, а «новое» – мобилизованные фрагменты, если не из забытых, то уже редко встречающихся книг. Разумеется, мы не ставили целью проводить «изыскания» по всей книге, но даже обращение всего к трем книгам из библиотеки исследований о Ковалевском показало следующее.

1. «Краткий биографический очерк...» (с. 5–62) практически «основан» на тексте главы 1 («Жизнь и научная деятельность») книги Б. А. Калоева «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» (М., 1979. С. 4–35). Разумеется, «базовый» текст видоизменяется за счет сокращений (например, был выпущен не аванажный ныне фрагмент о взаимоотношениях русского историка с К. Марксом), дополняется собственными материалами (например, об отношении М. М. Ковалевского и С. В. Ковалевской: у Погодина – с. 25–34, у Калоева – с. 25–26), а также цитатами и фрагментами из других работ. Вот примеры работы Погодина с текстом «соавтора»:

<i>Калоев Б. А.</i>	<i>Погодин С. Н.</i>
<p>С. 33: Вся жизнь этого выдающегося ученого была отдана науке. Научные интересы Ковалевского не замыкались в какой-либо одной области, а отличались, как уже говорилось, многогранностью. М. М. Ковалевским оставлено колоссальное научное наследие – более пятисот печатных трудов, в основном монографических. Среди них такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (пять томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (семь томов) на немецком языке, «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии. Он одним из первых исследовал общественный строй горцев Кавказа, дал свое толкование горскому феодализму, вызвав тем самым интерес ученых-кавказоведов к этой проблеме.</p>	<p>С. 53: Вся жизнь М. М. Ковалевского была отдана науке. Его научные интересы не замыкались в какой-либо одной области, а отличались многогранностью. Он оставил колоссальное научное наследие – более пятисот печатных трудов, в основном монографических. Среди них такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (пять томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (семь томов) на немецком языке, «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. М. М. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии, один из первых исследовал общественный строй горцев Кавказа.</p>

<p>С. 34–35: Повседневный упорный труд, безукоснительное соблюдение распорядка рабочего дня были неотъемлемыми чертами М. М. Ковалевского как ученого. Один из близких родственников ученого писал по этому поводу: «Все утро до раннего обеда уходило на занятия наукой. После отдыха работа продолжалась до ужина. Работая в кабинете, он имел обыкновение иногда громко разговаривать сам с собой. На всякий случай просил домашних не беспокоиться и не принимать его за сумасшедшего» [95, с. 64].</p>	<p>С. 54–55: Повседневный упорный труд, безукоснительное соблюдение распорядка рабочего дня были неотъемлемыми чертами М. М. Ковалевского как ученого. Один из близких родственников ученого писал по этому поводу: «Все утро до раннего обеда уходило на занятия наукой. После отдыха работа продолжалась до ужина. Работая в кабинете, он имел обыкновение иногда разговаривать сам с собой. На всякий случай просил домашних не беспокоиться и не принимать его за сумасшедшего»¹²⁶ [Фатеев А. М. М. Ковалевский (К годовщине смерти), 1851–1916. Харьков, 1917. С. 64].</p>
<p>Отличаясь колоссальным трудолюбием, не считая заторной никакую черновую работу, М. М. Ковалевский служил ярким примером для своих учеников. Своей работоспособностью он приводил в восхищение многих ученых. К. А. Тимирязев, например, отмечал, что Ковалевский не уклонялся «от самого тяжелого, усидчивого, казалось бы, скучного специального труда, а представлял собой редкое явление в рядах научных деятелей всего мира» [94, с. 221]. Так же упорно трудился М. М. Ковалевский и во время полевых исследований в горах Кавказа, где, несмотря на тяжелые условия работы, вызванные бездорожьем, дождями, отсутствием нормальных бытовых условий, он записывал у местных жителей очень много материала, касающегося разных сторон жизни горцев. Сидя в архивах месяцами, Ковалевский переписывал от руки такое количество документов, что потом ему приходилось перевозить их целыми чемоданами. В одном из писем В. Ф. Миллеру он писал: «Вожу теперь целый чемодан записок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому» [141, ф. 323, ед. хр. 221, л. 21].</p>	<p>Отличаясь колоссальным трудолюбием, не считая заторной никакую черновую работу, М. М. Ковалевский служил ярким примером для своих учеников. Своей работоспособностью он приводил в восхищение многих ученых. К. А. Тимирязев отмечал, что М. М. Ковалевский не уклонялся «от самого тяжелого, усидчивого, казалось бы, скучного специального труда, а представлял собой редкое явление в рядах научных деятелей всего мира»¹²⁷ [Тимирязев К. А. Памяти друга // Летопись. 1916. № 8. С. 221]. Так же упорно трудился он и во время полевых исследований в горах Кавказа, где, несмотря на тяжелые условия работы, вызванные бездорожьем, дождями, отсутствием нормальных бытовых условий, он записывал у местных жителей очень много материала, касающегося разных сторон жизни горцев. Сидя в архивах месяцами, он переписывал от руки такое количество документов, что потом ему приходилось перевозить их целыми чемоданами. В одном из писем В. Ф. Миллеру он писал: «Вожу теперь целый чемодан записок. Работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому»¹²⁸ [Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 323. Ед. хр. 221. Л. 21].</p>

<p>М. М. Ковалевскому были присущи прекрасные душевные качества – простота, общительность, желание прийти на помощь советами и деньгами. Еще в Московском университете он помогал многим нуждающимся студентам, а также издавал на свои деньги книги П. Л. Лаврова и ряда других ученых. Много средств затратил М. М. Ковалевский и на Русскую высшую школу общественных наук в Париже, где он не только бесплатно вел несколько курсов лекций, но и оплачивал приглашенных профессоров. М. М. Ковалевского любили за оптимизм, остроумие и доброжелательность. Об этом очень красочно говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, близко знавший его в течение многих лет. [Далее – пространная цитата] [79, с. 162].</p>	<p>М. М. Ковалевскому были присущи прекрасные душевные качества – простота, общительность, желание прийти на помощь советами и деньгами. Еще в Московском университете он помогал нуждающимся студентам, а также издавал на свои деньги книги П. Л. Лаврова и ряда других ученых. Много средств он затратил и на Русскую высшую школу общественных наук в Париже, где он не только бесплатно вел несколько курсов лекций, но и оплачивал приглашенных профессоров. М. М. Ковалевского любили за оптимизм, остроумие и доброжелательность. Об этом очень красиво говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, близко знавший его в течение многих лет. [Повторяется полностью та же цитата]¹²⁹ [Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пг., 1923. С. 162].</p>
---	---

2. Очерк «Исследования в области государства и права» (с. 63–90) «составлен» из текстов а) главы «М. М. Ковалевский – историк и теоретик государства и права» (с. 48–50, 52–69), б) главы «Взгляды М. М. Ковалевского в области государственного (конституционного) права» (с. 73–83, 85–93) не упоминаемой нигде книги известного исследователя политической и правовой мысли Н. Я. Куприца³¹. Приемы работы с текстом «соавтора» одинаковы: замена слов, применение новых соединительных частиц или пропуск их (*однако, больше того, но* и т.д.), свое абзацирование, «изъятие» фрагментов текста оригинала. «Урезанию» подверглись размышления Н. Я. Куприца о соотношении учений Ковалевского и Маркса. Вводятся два фрагмента из книги Куприца и в «очерк» «Исторические работы»: текст на стр. 109–111 составлен из характеристики Куприцем учения Ковалевского о периодизации политической и экономической истории (с. 63–66) и о прогрессе (с. 34).

3. «Соавтором», а точнее собственно автором значительной части очерка «Исследования в социологии» в книге Погодина выступил... Б. Г. Сафронов, сам основатель современного – применим не совсем благозвучное, но верно отражающее предмет исследования понятие – ковалевсковедения. Его книга³², из которой, как помним, Погодин из-

³¹ См.: Куприц. 1978.

³² См.: Сафронов. 1960.

влек 3 цитаты, к сожалению, ставшая большой библиографической редкостью, вновь «введена» в современную науку: текст Б. Г. Сафронова со страниц 101–103, 113, 115–117, 121–124, 132–139, 150–151 читатель обнаружит на страницах 140–154 книги С. Н. Погодина.

Как квалифицировать этот стиль Погодина? Научное сообщество справедливо боится «жестких» определений. На ум приходит мысль назвать его компиляцией. Или вспоминается: античность подарила миру эпитому, представлявшую, как сообщает словарь иностранных слов, извлечение из какого-нибудь классического сочинения. Возможно, мы имеем дело с эпитоматорством? Или с композицией? Составляют же своды изречений, высказываний, мыслей мудрых людей. Или, налицо банальный плагиат? И можно ли в данном случае говорить об уважении памяти тех историков, которым посвящаются книги-эпитомы?

Говоря о созданной авторами серии о русских историках, нельзя не вспомнить, что наша историографическая наука знает подобное. Из-под пера Б. Г. Сафронова (1907–2001) вышла серия книг, посвященных творчеству М. М. Ковалевского (1960), Р. Ю. Виппера (1976), М. С. Корелина (1984), Н. И. Кареева (1995)³³. Подобное, разумеется, не по исполнению, а по замыслу... У Б. Г. Сафронова на создание названных книг ушло более 40 лет. Ученый неустанно работал в архивах, блестяще знал историографию. Очевидно, постижение исследовательского опыта Сафронова, прохождение «школы мысли» в его творческой лаборатории и есть истинное средство, чтобы заступить дорогу другой описанной выше практике. Б. Г. Сафронов уважал память тех историков, о которых писал свои книги. Уважают ли их современные авторы?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* [Рец.] Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов... // *Ab Imperio*. 2007. № 4.
- Антощенко А. В.* Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 344 с.
- Атнашев-Мирзаянц Т. М.* Проектирование как горизонт истории // *Диалог со временем*. 2006. Вып. 16. С. 15–52.
- Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004.
- Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 218 с.
- Бутенко В. А.* Наука новой истории в России // *Анналы*. 1923. № 2. С. 129–167.

³³ См.: *Сафронов*. 1) 1960; 2) 1976; 3) 1984; 4) 1995.

- Герье В. И. История римского народа: Курс лекций, читанных ординар. проф. В. И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. / Ввод. ст. А. В. Лубков, П. Ю. Савельев; подгот. текста и комм. А. В. Юдин. М.: Просвещение, 2002. 349 с.
- Герье В. И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 7. С. 5–59.
- Герье В. И. Блаженный Августин. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
- Герье В. И. В. И. Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- Герье В. И. Лекции по истории средних веков. 1885/86. М.: Лит. В. В. Чичерина, 1886. 318 с.
- Герье В. И. Новая история. Второй период. Лекции орд. проф. Вл. Ив. Герье. М., 1887. 365+6+20 с.
- Герье В. И. Новая история: лекционный курс 1880/81 гг. М., 1881. 480+14+3 с.
- Герье В. И. Основы римской истории. Пособие к лекциям В. Герье. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1899. 88 с.
- Герье В. И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. 114 с.
- Герье В. И. Франциск: Апостол нищеты и любви: Биография Святого Франциска Ассизского. М.: Либроком, 2010. 352 с.
- Золотарев В. П., Мяжков Г. П. Правда памяти (историческая судьба наследия Максима Ковалевского) // Вестник Сыктывкарского университета. 1995. Серия 6. Вып. 1. С. 80–88.
- Иванова Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 243 с.
- Иванова Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваши. ун-та, 2009. 382 с.
- История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. 352 с.
- Кирсанова Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск: Изд-во СГТИ, 2003. 209 с.
- Книжные покупки Модеста Колерова // Пушкин. М., 2008. № 1. С. 15–16.
- Куприц Н. Я. Ковалевский. М.: Юрид. лит., 1978. 120 с.
- Малинов А. В. К. Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 202 с.
- Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. 205 с.
- Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. 285 с.
- Малинов А. В., Погодин С. Н. Владимир Иванович Герье. СПб.: Изд. Русской христианской гуманистической академии, 2010. 400 с.
- Мир историка: Владимир Иванович Герье: материалы науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2007. 132 с.
- Мяжков Г. П. Кто вы, профессор В. И. Герье? Наследие ученого в отечественной историографии // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 21–62.
- Мяжков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.

- НИОР РГБ. Ф. 70. К. 82. Ед. хр. 18–19. Герье Иван Иванович. Документы об обучении в школе глухонемых Мейли Габриэля Франсуа (на нем. яз.).
- Погодин С. Н.* Герье в исторической литературе // *Фигуры истории или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории* / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во «Северная Звезда», 2005. С. 248–302.
- Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. 158 с.
- Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
- [Розанов В. В.] Два неизвестных письма В. В. Розанова // *Новый мир*. 2009. № 8. С. 139–146.
- Сафронов Б. Г.* Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 152 с.
- Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. 224 с.
- Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог.* М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 260 с.
- Сафронов Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания.* М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. 272 с.
- Глубоковский Н. Н.* Отзыв о сочинении В. И. Герье «Блаженный Августин» // *Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых императорскою Академиею наук. Отчеты за 1910 год.* Пг., 1915. С. 27–64.
- Соловьев В.* Кое-что о так называемых ВАКовских изданиях или снова о плагиате // *Пушкин*. 2009. № 1. С. 183–187.
- Федорова Н. Г.* Педагогические идеи В. И. Герье и учебная литература по всеобщей истории (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье* / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2008. С. 195–212.
- Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.).* М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 256 с.
- Чапкевич Е. И.* [Рец.:] Г. П. Мягков. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 208–209.
- Шиловецва В. С.* Проблема кризиса и падения римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII–XIX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1970. 22 с.
- Юдин А. В. В. И. Герье как исследователь Древнего Рима* // *История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье* / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 271–279.

Иванова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Чувашского государственного университета им. Н. И. Ульянова; tivanovan@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета; gmyagkov@yandex.ru